

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС И СПЕЦИФИКА ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА

Современность с ее сосуществованием современных и традиционных культур, цивилизационных укладов, национально-культурных традиций представляет собой очень сложный предмет для философского изучения и понимания. Есть определенное методологическое затруднение в социальных и гуманитарных исследованиях, предметом которых является современное общество и его формы социокультурных практик. Новые технологические возможности, меняющие принципы социальной и личной коммуникации, скорость информационных потоков, диффузия общественных систем, ориентированных на традиционные ценности, — только видимая часть трансформаций, определяющих характер глобальной перестройки мировой архитектуры — сам способ существования современной цивилизации. Не всегда читаемые и слабо артикулируемые смыслы событий, происходящих в современности, исследователь культуры и истории вынужден помещать в жесткий дискурс философских наук о культуре и обществе. Как следствие, он оказывается в состоянии «между»: между традициями философского знания и дискурсивными практиками современных наук, классической и неклассической рациональностью, узкоспециализированной областью исследований и междисциплинарностью, дильтеевским опытом погружения в дух культуры и теоретической реконструкцией явления.

XX век значительно трансформировал культурное сознание человека, изменил социальную структуру общества и политическую архитектуру глобального мира. Всем ходом социального и духовно-интеллектуального развития он подготовил и манифестировал актуальную современность как сочетание преемственного развития, критического пересмотра и отказа от ценностей, определяющих проект европейского модерна. Именно европейский модерн с его последующими модификациями, транслируя ценности и практики модернизации (технологического и социально-политического перевооружения

традиционных европейских и неевропейских стран), создал дизайн современного мирового хозяйства и мировой политики. Нет сомнений, что необходимость философско-исторического, политического и культурологического анализа современных и постмодерных обществ в форме философской критики современности будет только возрастать.

Специально отметим, что философская критика культуры, осуществленная европейскими и русскими авторами еще в начале XX века и концептуализировавшая тему ее кризиса, способствовала формированию самостоятельной социально-философской и культурфилософской традиции. Анализ процессов урбанизации, омащовления культуры, нарастающего технократизма, роли массовых коммуникаций, тоталитарной идеологии был блестяще произведен в работах Т. Адорно, М. Вебера, Г. Маркузе, Х. Ортеги-и-Гассета, П. Сорокина, Э. Тоффлера, Э. Фромма, Ю. Хабермаса, а также Х. Арндт, Д. Белла, Э. Гидденса, Г. М. Маклюэна. Авторы зафиксировали переход от модерна к постмодерну, указав на глубинные трансформации, происходящие на уровне политического (коллективного и индивидуального), религиозного и художественного сознания, интеллектуальных традиций. Эти изменения в коллективной ментальности и индивидуальной психологии людей обнаруживаются прежде всего в ситуации выбора ценностей, связанных с дискурсами власти, знания, веры, искусства.

Среди зарубежных авторов, исследующих данную проблему в аспекте взаимодействия высоких и повседневных практик культуры, особая роль принадлежит теоретикам постструктурализма — Р. Барту, Ж. Бодрийяру, Ж. Делезу, Ж. Деррида, Ф. Джеймисону, Ж. Лиотару, У. Эко. Постструктуралисты неслучайно сконцентрировали свое внимание на художественном творчестве, искусстве, литературе и философии. Признаком современной культуры стало смешение высоких духовно-интеллектуальных практик и повседневности, растворение религиозных, эстетических, политических нарративов и смыслов в обыденной жизни, виртуализация межличностной коммуникации в глобальном информационном пространстве. Теоретики постмодерна вернулись к

центральной для европейской философской традиции проблематике человека, обогатив философско-антропологическую тему темами знания, свободы и творчества, связанных в новом контексте «постнарратива» истории и культуры с осмыслением коммуникативной функции слова, смысл которого опосредован в структурах метакультурного текста.

Основным объектом деконструкции в процессе распрямления смысла оказывается исторический текст самой культуры. Метафора Р. Барта о «смерти автора» как субъекта истории и творчества, прежде конституируемого словом, отсылавшим к моральному и духовному авторитету, к традиции, фиксирует в современной культуре распад метафизических систем. Если использовать философскую оптику Барта для анализа текущего момента информационной «посткультуры», то можно видеть, что «интертекстуальность», определяемая Бартом и другими теоретиками, вытеснила текст как авторское высказывание, подменила ответственное слово *автора* гиперссылкой, пребыванием в потоке информации, «постом» и «репостом» информационных сюжетов и кластеров сообщений. Растворенность в «интертекстуальности» современного информационного пространства, «ризомное» блуждание по информационному полю, имитирующее акт свободного познания и творчества, становится маркером некритического потребления информации, создающего ложное ощущение осведомленности и компетентности. В этой новой технике обретения знания и выработки суждений о действительности нет авторитетов, нет учителей, а есть кредиторы мнения, чья значимость и легитимность утверждается частотностью появления в публичном информационном пространстве и масштабом охвата аудитории.

Образ человека информационной культуры, признающего только одну плоскость существования — горизонталь, предпочитающего жить без вертикальных связей с «вечностью» и обязательств перед ней (З. Бауман), вполне отвечает постмодернистскому пониманию человека. Человек «посткультуры» реализует стратегии знания и творчества как комбинаторно-игровую деятельность, имеющую смысл в самой себе. Он лишен личностно-

ответственного авторства, является не тем, кто совершает духовный и интеллектуальный выбор, а тем, кто играет, цитирует, пародирует, стилизует, иронизирует и деконструирует. Порождающей структурой творчества в постструктуралистской философии и постмодернистской культурной практике, ее онтологической идеей-моделью становится пустота, а метафизической «компенсацией» пустотности смысла — новый социальный миф. И если современное общество, безальтернативно понимающее себя как общество «продвинутых пользователей» и «грамотных потребителей» товаров и услуг, «не производит больше мифа, то потому, что *оно само* является своим собственным мифом», — говорит Ж. Бодрийяр¹. Критический анализ современности, по сути, сводится Бодрийяром к констатации факта, что наша эпоха «первая, когда и обычные расходы на питание, и „престижные“ издержки — все вместе обозначается термином „потреблять“, и это во всем мире, в соответствии с общим консенсусом»². Как можно понять французского философа, изобретая миф о самом себе, глобальное общество, объединенное духом и практикой цивилизации потребления, изменяет реальность самой истории. Заметим, что термин «потребление» Бодрийяр считает мистифицирующим и неприменимым в анализе «антипонятием», однако он настаивает, что эта сконструированная социально-философская метафора обозначает большую идеологическую перестройку ценностей³.

Перестройка ценностей является значимым предметом постмодернистской рефлексии современной культуры и общества. Для постмодернистской философии культуры доминирующим стал образ принципиальной множественности реальности, подчеркивающий очевидное разнообразие форм социального, интеллектуального, религиозного, художественного опыта. Однако декларацией этого разнообразия и принципиальной «индивидуализации-атомизации» человека манифест

¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М. : Культурная революция : Республика, 2006. С. 242.

² Там же. С. 243.

³ Там же.

постмодернизма, собственно, и ограничивается, превращаясь в миф о толерантности, достаточно жесткий и идеологически поддерживаемый машиной социального контроля (новой идеологической практикой «мейнстрима») — политического, медийного, интеллектуального. Установка на деконструкцию национально значимых нарративов истории и культуры, на релятивизм смыслов и ценностей в постмодернизме создает картину мира, в которой на уровне социальных и культурных практик устанавливается принцип автономности существования — *сверхсвободы*, когда человеку доступно и разрешено все — от индивидуального успеха на любом поприще до смены половой идентичности.

В пестроте культурных явлений, составивших социальную и политическую историю XX и XXI веков, разобраться непросто. Еще сложнее этически определиться по отношению к той или иной практике, не говоря уже о том, чтобы включить эти прецеденты социального и культурного творчества в ценностно-смысловой горизонт личности, сделать его базовым элементом формирования духовно-культурной идентичности. Однако, как замечает Ханс Йоас, такая ситуация нисколько не смущает теоретиков и практиков нового проекта современности. По словам исследователя, «участники постструктуралистского и постмодернистского дискурса уже не сетуют на то, как сложно в наше время сформировать идентичность, а, наоборот, в самом требовании (других людей и человека к самому себе) сформировать непротиворечивую, последовательную личность видят насилие»⁴. По сути, происходит отказ от личности, целостность которой формируется нормативной этикой и системами ценностей, составляющих социальную ткань и метафизическое ядро исторически сложившихся мировых и национальных культур. Личность как морально ответственный субъект духовного творчества и социальных действий не является заданием культуры и самого человека. Субъект современной культуры, актер современности — автономный индивид, воплощенным идеалом свободы которого становится возможность объявить себя культурным «симулякром». Новый конструкт идеологии тотального

⁴ Йоас Х. Возникновение ценностей. СПб. : Алетейя, 2014. С. 223.

освобождения напоминает человека с культурно «отредактированным» геномом социальности и духовности. Активно переписывается онтологическая и культурно-антропологическая программа человека, превращая его в существо без определенного пола, без морального облика, без принадлежности к авторитету традиций, закрепленных в истории, культуре и религии, — в индивида, выбирающего гендер с такой же легкостью, как товар в лавке, готового стать «родителем номер один» или «номер два».

Философы постмодерна считают, что степень трансформации социальной реальности слишком велика, так что невозможно собрать личность на основе ценностей классического модерна. В этом смысле авторы современности берут на вооружение идеологию «посткультуры», что представляет собой не только практику отказа и/или пересмотра ценностей, порожденных христианской традицией, результатом секуляризации которой стал модерн как культурно-политический проект, но и дискредитацию иных культурных систем, составляющих основу национального бытия неевропейских стран и народов.

Что может быть противопоставлено этой логике и практике глобальных социокультурных трансформаций, угрожающих не только историческому существованию мировых культур, но и самому онтологическому статусу человека? Как представляется, этой элиминации метафизического ядра культуры и забвению культурной памяти следует противопоставить опыт освоения прошлого и ценностной «интериоризации» культурного наследия. Это означает, что на научном, образовательном и общественном поле следует развивать дискурсивные практики культурно-исторического знания, расширяя при этом публичное пространство обсуждения национальной и мировой истории с целью выработки современного языка интерпретации духовно-интеллектуального опыта наций. Обращая прошлое в социальный и моральный капитал, можно обеспечить переход от культуры «пост» к культуре реального настоящего и прогнозируемого будущего, снизив риск обрушения социальных систем и непредсказуемых последствий деградации культурной истории в глобальном масштабе, ее варваризации и архаизации.

Собственно, формулирование культуротворческой стратегии должно стать одной из важнейших задач философа культуры. Как представляется, профессиональное философское сообщество, которое во многом демонстрирует моральный стиль и мыслительные практики современной индивидуализированной культуры, все же (в этически ориентированных интеллектуальных субкультурах) продолжает быть носителем духовно-интеллектуальной традиции знания. Философская рациональность остается ценностным и инструментальным основанием социально-творческой деятельности человека. Философский подход в интерпретации культуры близок к позиции, при которой, по словам А. С. Ахиезера, надо исходить из понимания мира «как потенциальных и реальных субъектов, каждый из которых ищет свой путь, свою интерпретацию динамики мира, себя в мире, мира в свете своих ценностей»⁵. Такой подход может быть связан с проектом будущей культуры. Он будет заключаться в преодолении культурного догматизма, в том числе релятивистского проекта постмодерна, обладающего собственной «тоталитарностью» мифа, как иные политические идеологии или фундаменталистские религиозные доктрины. Философская альтернатива, формирующаяся в настоящем и открывающая проект будущей культуры, должна, на наш взгляд, состоять в «собрании» бытийного образа человека во времени культуры, истории и вечности. Подобная философская работа будет непременно сопряжена с культурно-образовательной. В этом контексте ближайшей и наиболее значимой задачей для российского сообщества гуманитариев является актуализация смыслов национальных культур, хранящих запас духовных идеалов, интеллектуальных и политических идей, которые могут стать ценностным и концептуальным основанием формирования современной российской нации.

⁵ Ахиезер А. С. Логика культуры и глобализации на рубеже тысячелетий // Культура на рубеже XX–XXI веков: глобализационные процессы. М. : Гос. ин-т искусствознания, 2005. С. 234.